

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

Д21

Дашевский, Ханох

Д21 Рог Мессии : исторический роман-тетралогия / Ханох Дашевский. – Москва : Интернациональный Союз писателей, 2022. – 365 с. – («Диалог» премии им. Василия Ивановича Белова).

ISBN 978-5-907564-58-9

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907564-58-9

© Ханох Дашевский, 2022
© Интернациональный Союз писателей, 2022

Серия
«ДИАЛОГ»

Премия им. Василия Ивановича Белова

РОГ МЕССИИ
Роман

КНИГА ТРЕТЬЯ
ДОЛИНА КОСТЕЙ

В третьей части романа-эпопеи «Рог Мессии» говорится о дальнейшей судьбе героев книги, и по ходу действия появляются новые персонажи. Это не просто рассказ о войне, но и о той исторической эпохе, когда великая страна, в то время называвшаяся СССР, в союзе с другими народами вела справедливую героическую борьбу со злейшим врагом человечества.

*И увлёк меня духом Своим Господь и опустил меня
среди долины, а она – полна костей... И сказал Он мне:
пророчествуй о костях этих и скажешь им: кости
иссохшие, слушайте слово Господне! Так сказал Господь
Бог костям этим: вот Я ввожжу в вас дыхание жизни –
и оживёте.*

*И дам вам жилы, и взыщу на вас плоть, и покрою вас
кожей... и оживёте и узнаете, что Я – Господь.*

Иезекииль 37, 1–7

Глава первая

С трудом натянув на себя кусок дырявого брезента, Михаэль съёжился в промёрзшем кузове военного грузовика, заполненном какими-то коробками и ящиками. Дорога казалась достаточно ровной, и это была не дорога даже, а проложенная в глубоком снегу, утоптанная ногами, колёсами и гусеницами колея. По ней всё время двигались войска. Но грузовик был ветераном армейского снабжения. Его подбрасывало, и Михаэль мечтал дожить до той минуты, когда дорожная пытка на конец-то закончится. А тут ещё приходилось останавливаться и пропускать воинские колонны. И места в кабине не нашлось. Его занимал немолодой интендант третьего ранга.

По железной дороге Михаэль доехал до Валдая и уже вторые сутки добирался на попутном транспорте в район Старой Руссы, где после кратковременного отдыха и пополнения была сосредоточена Латышская дивизия, в боях под Москвой потерявшая больше половины личного состава. Там, на Наре, его, раненого и контуженного, не подававшего признаков жизни, уже положили рядом с погибшими, и если б он не зашевелился – так бы и похоронили. До сих пор стоял перед глазами окровавленный речной лёд и припорошенные лёгким утренним снегом, застывшие в разных позах мёртвые тела. В ушах свистел сводящий с ума минный вой, звучал переходящий в крик голос Юриса, а его крепкие руки Михаэль продолжал ощущать на своих плечах, словно батальонный комиссар всё ещё нависал над ним, стараясь привести в чувство.

В госпитале Михаэль провёл больше месяца. Из него удачно вытащили два осколка, но последствия контузии то и дело напоминали о себе. Внезапно начинала болеть голова, накатывала тошнота, темнело в глазах, и осматривавший Михаэля интеллигентный пожилой, явно тяготившийся армейской формой военврач заключил:

– Годитесь к нестроевой, молодой человек. И то с натяжкой. Так и напишем.

С этим заключением Михаэль уехал в дивизию, не совсем ясно представляя будущее. В дороге он успокаивал себя. Конечно, в таком состоянии в окопах ему не сидеть, но и стыдиться нечего. Увлёк в атаку людей, честно выполнил свой долг, был ранен. Ну а должность в батальоне найдётся, ведь он не один. У него есть Юрис. Михаэлю и в голову не приходило, что обстановка могла измениться и многих из тех, кого он знал, уже нет.

До расположения своей части Михаэль добрался к ночи. На борьбу с холодом ушёл весь день, а теперь, ко всему, прибавился ещё голод. Ему мерещилась большая миска горячего дымящегося супа, и Михаэль предвкушал встречу с Юрисом и обед, который тот закатит на радостях как тогда, в сентябре. Но прошло немало времени, пока он с трудом нашёл штаб батальона и приоткрыл наспех сколоченную из неотёсанных досок дверь. Она вела в приземистую избу, где располагался комбат. Надолго тут не устраивались: со дня на день ждали приказа о наступлении.

Рассчитывая увидеть Юриса и командира батальона капитана Коршунова, Михаэль вошёл в помещение и замер, глядя на незнакомого человека в накинутом на плечи офицерском полуушубке. Тот, подняв голову от карты, тоже удивлённо рассматривал вошедшего.

– Кто такой?

– Заместитель политрука третьей роты Гольдштейн, – отрапортовал Михаэль. – Выписан из госпиталя, возвратился в часть.

– А почему вы докладываете комбату? – неодобрительно поинтересовался человек в полуушубке. – Вы должны были явиться в роту и там доложить.

– Но я...

– Отставить! – По резкому тону нового комбата Михаэль понял, что долго ещё будет поминать добрым словом капитана.

Рог Мессии

на Коршунова. – За неустановное поведение трое суток ареста! Доложить командиру роты!

– Есть доложить!

Приложив руку к ушанке, Михаэль выскочил наружу. Такого приёма он не ожидал. Ладно, Коршунова нет, а Юрис? И его нет? Быть не может! Наверное, где-то в батальоне или дела у него какие-нибудь в политотделе дивизии? Решив всё выяснить в роте, Михаэль отправился туда. Теперь он ни в чём не был уверен. Живы ли Меерсон и Берзиньш? Ведь смерть и война – неразлучные сёстры. О том, что и с Юрисом могло что-то случиться, Михаэль старался не думать. Отойдя от избы, он посторонился, чтобы пропустить на узкой, пропотпанной в снегу тропинке встречного, но тот неожиданно остановился, вглядываясь в Михаэля. В темноте трудно было кого-либо разглядеть, но вспыхнувшая над близким передним краем ракета осветила лица, и Михаэль узнал политрука своей роты Эвальда Берзиньша.

Через десять минут он жадно поглощал консервы и хлеб, запивая их чаем и слушая невесёлый рассказ: лейтенант Борис Меерсон погиб при форсировании Нары, а Юрис серьёзно ранен в ногу: задета кость, и он до сих пор находится в госпитале – том самом, откуда вернулся Михаэль. Вместо него комиссаром батальона назначили Берзиньша.

– Я ничего не знал, – Михаэль был потрясён и расстроен. – Что же это такое? В одном госпитале лежали, а я даже не навестил...

– В том бою меня только оглушило, – продолжал рассказывать Берзиньш, – но так сильно, что замертво свалился. Не знаю, сколько лежал. Открыл глаза, а где-то впереди «ура!» кричат. Ну, думаю, ребята мои уже на тот берег переправились. И заковылял я на ватных ногах. До реки добрался, смо-

трю — а льда-то нет: после мин — сплошная полынья. Только меня не испугаешь — я старый водник. Полжизни на Даугаве* брёвна сплавлял. Кое-как перебрался... А комбат Коршунов — он теперь полком командует. Не нашим, другим. Майора получил... Чёрт подери! — вдруг спохватился Берзиньш. — Я тут истории рассказываю, а главное не сказал: тебя наградили медалью «За боевые заслуги». Коршунов представил: видел, как ты впереди всех по полю бежал. В политделе дивизии твоя медаль лежит. Съездишь туда, получишь.

— Мне новый комбат трое суток ареста дал. Обратился не по уставу...

— Да, — согласился Берзиньш, — мужик он крутой. Но ты — политсостав, значит, в моём распоряжении будешь. Направлю тебя в первую роту, там командиру помощник нужен.

— У меня врачебное заключение. Годен к нестроевой. Но я...

— А ты его никому не показывай. Ты же политработник, комсомолец. Впереди должен быть, в бой людей поднимать. Ладно, спи давай. А утром — в роту.

Но с утра всё пошло не так, как было задумано. Михаэлю стало плохо, и Берзиньш испугался. Теперь он уже ни на чём не настаивал.

— Не знаю, что с тобой делать, — сказал комиссар, когда приступ закончился. — И часто у тебя такие припадки?

— Бывает. Это от контузии. Врачи говорят, что со временем станет легче. А пока...

— А пока они правильно пишут. Нельзя тебе в строй.

— Но это быстро проходит, товарищ старший политрук! — Михаэлю не хотелось создавать у Берзиньша впечатление, будто он рад уклониться от передовой. — Несколько минут — и всё. Вы же видели.

— В бою и секунды достаточно, чтобы убили.

* Латышское название Западной Двины.

Рог Мессии

- И что мне делать?
- Пусть наверху решают. Собирайся! Мне как раз в штаб полка надо. Вот и пойдёшь со мной.
- А трое суток?
- Поговорю с комбатом. Он у нас горячий, но понимающий. Войдёт в положение.

Штаб полка находился в соседней деревне. До неё было километра два, и всю дорогу, не слишком внимательно слушая Берзиньша, Михаэль задавался вопросом: почему с ним должны разбираться в полку? Разве нельзя всё решить в батальоне? Какая разница — строевой или нет? Кто сейчас на это смотрит? На переднем крае пригодится любой, он же не инвалид с костылём? Да, появилась возможность оказаться немного дальше от мельницы, привычно и беспощадно перемалывающей людей, но он-то не искал, где укрыться? Это Берзиньш придумал, и что с ним случилось? Вчера был такой категоричный, а сегодня... Спросить его, что ли, с какой стати он с ним возится? Но Берзиньш опередил Михаэля.

— Испугал ты меня, — сказал батальонный комиссар, когда они добрались до штаба. — Ничего не объяснил... — Михаэль не стал напоминать, что Берзиньш сам не дал ему говорить. — Хотел тебя к хорошим ребятам пристроить, а когда увидел... Боюсь, и в полку тебе нечего делать. Переговорю сейчас с полковым комиссаром, и отправим тебя, дружок, в дивизию. Там пусть думают.

Но и в штабе дивизии, расположившемся в сельской школе, Михаэль не встретил ничего, кроме удивления. Какой-то майор, к которому в конце концов его послали, закричал:

— Да что же это за командиры такие?! Ничего решить сами не могут! Или считают, что каждым сержантом штаб диви-

зии обязан заниматься?! У тебя какая должность была в батальоне?

– Заместитель политрука роты.

– А, так ты политработник? – Майор только сейчас обратил внимание на нарукавные звёзды снявшего полушибок Михаэля. – Тогда иди в политотдел. Это по их части.

Но и в политотделе дивизии поспешили выразить недовольство.

– Они что, не могли тебя батальонным агитатором сделять? – сказал, выслушав Михаэля, молодой блондин политрук, имея в виду комбата и Берзиньша. – Или при штабе дело найти – ты же образованный парень? Мозгами не могут пошевелить, привыкли на других сваливать. Всё ясно. Возвращайся обратно. Хотя нет – подожди пока в соседней комнате. Доложу о тебе начальству. И не завидую я твоему комиссару: нагоняй обеспечен.

Михаэль почувствовал граничащую с равнодушием усталость. Агитатором так агитатором, в штабе так в штабе. Ему уже всё равно: как решат – так и будет. Размышая о том о сём, Михаэль задремал и очнулся, услышав хорошо поставленный командирский голос:

– Ваша фамилия? Звание?

Михаэль увидел стоящего перед ним подполковника.

Вскочив, он отрапортовал:

– Заместитель политрука Гольдштейн. Явился...

– Немецким владеете? – прервал подполковник.

– Так точно!

– Хорошо. Следуйте за мной.

«Переводчиком хотят оставить в штабе. Не самое худшее», – решил Михаэль.